

УДК 94 (4)

С. А. Денисов

**ВОДНЫЕ УГОДЬЯ
В ХОЗЯЙСТВЕ ПРУССКИХ УСЛОВНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ
В XIII – XIV ВЕКАХ**

31

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 29.07.2023 г.

Принята к публикации 16.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3

Для цитирования: Денисов С. А. Водные угодья в хозяйстве прусских условных землевладельцев в XIII – XIV веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 31 – 40. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3.

Местное условное землевладение, ставшее опорой власти Тевтонского ордена в Пруссии, подразумевало использование различных по своему природному положению участков: от регулярно возделываемых пахотных угодий до территорий, менее благоприятных для ведения хозяйства (покрытых лесом или кустарником). Для стабильного функционирования хозяйств пруссам предоставлялось право рыбной ловли и строительства водяных мельниц на принадлежащих им наделах в дополнение к возможности возделывать участок. Данные права, рассматриваемые применительно к периоду 1242 – 1370 гг., обладали универсальным характером и принадлежали 308 персонам, имевшим различные имущественные характеристики, обязанности и правовой статус. Из них основную часть (213 человек) составляли ленники, владевшие земельными наделами в обмен на несение военной службы и/или выплату налогов, и меньшую (95 персон) – локаторы, обязывавшиеся возвести на полученном от Ордена или церкви участке поселение. Право рыбной ловли регламентировалось путем определения состава разрешенных орудий (крючок, острога, удочка, бродни, сети за исключением невода), объединенных термином «малые снасти», и выдачи разрешения соорудить преграду из кольев поперек реки. Право строить мельницы подразумевало возведение одно- или двухколесных сооружений на отведенном участке размером от 0,5 до 2 гуффов с уплатой налога от 2 до 3 марок.

Ключевые слова: пруссы, условное землевладение, водные угодья, рыбная ловля, мельницы

Власть Тевтонского ордена в Пруссии основывалась помимо военного давления на получении лояльности автохтонного населения путем выделения его представителям земель за военную службу и/или выплату

натурального и денежного налогов. Сформированная таким образом система условного землевладения стала основой для создания местных контингентов в орденском войске и культивации земельного фонда [1, с. 43–44; 3, с. 283–287].

Вместе с тем далеко не все выделенные участки располагались на удобных для обработки землях. Там, где условия являлись неблагоприятными для землевладельцев (вследствие залесенности земель), Орден и церковь позволяли ленникам и локаторам использовать близлежащие лесные и водные угодья. Данная ситуация ставит вопрос о том, какую роль играли водные угодья (реки и озера) в функционировании системы условного землевладения.

32

В историографии данный вопрос подробно не изучался. Водные угодья кратко упоминались как часть привилегий для землевладельцев, выделявшихся, чтобы поддержать их положение [2, с. 7–8; 6, S. 270–271; 10, s. 465; 11, S. 123–124; 12, p. 34–49; 13, S. 70; 23, s. 167; 24, S. 318], или рассматривались как объект пользования в рамках кульмского права [4, с. 216–217].

Источниками для изучения данного вопроса являются акты (жалованные грамоты), фиксирующие выделение пожалования Орденом или церковью и условия его дальнейшего использования (всего 190 документов). Акты фиксировали получение участков в двух вариантах. Во-первых, в рамках кульмского права (нем. «Kulmische Handfeste»), нормы которого были сформулированы в одноименной грамоте, изданной в 1233 г. и восстановленной в 1251 г. Кульмское право подразумевало, что лица, получившие земельные наделы, должны нести военную службу и выплачивать натуральный и денежный налоги. Данное право широко применялось в Орденской Пруссии, охватывая не только немецких колонистов, но и прусских ленников [4, с. 76; 7, s. 309–311]. Во-вторых, в рамках так называемого «прусского» права, которое подразумевало владение наделом в обмен только за военную службу без выплаты налогов [19, S. 349–350, №378, 379].

Для анализа указанных источников и последующего решения сформулированной задачи применим типологический и сравнительно-исторический анализ, что подразумевает соответственно выделение групп землевладельцев, использовавших водные угодья, и последующее сопоставление их правового статуса, имущественного положения и обязанностей.

Хронологическими рамками исследования являются 1242–1370 гг., от первого упоминания права пруссов пользоваться водными угодьями до оформления социальной системы Орденского государства [5, с. 134; 7, s. 288–290].

Рассмотрим далее, каким образом данные правовые нормы использовались при формировании условного землевладения. Для этого предварительно охарактеризуем социальное положение двух основных групп прусских землевладельцев, пользовавшихся водными угодьями: ленников и локаторов. Их отличие при исполнении сходных обязанностей военной службы и/или выплаты налога состояло в том, что локатор был обязан основать на полученном участке поселение (деревню или город).

Ленники

К данной группе относятся 213 лиц, которым было предоставлено право рыбной ловли. Согласно выполняемым обязанностям ленников можно разделить на две группы: те, кто платил налоги, и те, кто был освобожден от этой обязанности.

К первой группе относятся 174 ленника (82 % от общего числа), которых по размеру владений можно разделить на две подгруппы.

К первой подгруппе относятся обладатели участков от 1 до 15 гуффенов¹ (142 персоны). Большинство из них (139 персон) были обязаны участвовать в военных кампаниях на коне и оружием, предписанным обычаем [8, S. 448—450, № 270; 9, S. 6—7, № 6; S. 71—72, № 70; S. 118, № 110; S. 119, № 111; S. 114—116, № 107; S. 120, № 113; S. 192, № 194; S. 199—200, № 200; S. 211, № 212; S. 216—220, № 219—221; S. 277, № 278; S. 299, № 299; S. 302, № 304; S. 324—325, № 308; S. 330, № 315; S. 333—334, № 319; S. 344, № 332; S. 358, № 349; S. 365, № 357; S. 365—366, № 359; S. 395, № 380; S. 396—397, № 382; 9, S. 427, № 418; S. 428, № 419; 16, S. 96—97, № 145; S. 351—352, № 520—521; S. 414—415, № 627; S. 513—514, № 775; 18, S. 316—317, № 448; 19, S. 12, № 13; S. 60—61, № 59; S. 67, № 70; S. 122, № 134; S. 278—279, № 313; S. 285—286, № 318; S. 290, № 329; S. 492—493, № 546; S. 541—542, № 600; S. 567—568, № 630; 20, S. 8—9, № 16; S. 143—144, № 256—261; 21, S. 161—162, № 285; S. 183, № 324; S. 183, № 325; S. 191, № 337; S. 198, № 354; S. 202, № 362; 22, S. 310, № 553; S. 310, № 554; S. 419, № 737; S. 466, № 814]. При этом 124 из них были обязаны возводить и ремонтировать укрепления. Трое из 142 землевладельцев были освобождены от участия в военных кампаниях и были обязаны только участвовать в строительстве фортификационных сооружений [20, S. 54, № 95].

Ко второй подгруппе относятся 24 человека, обладавшие участками размером от 20 до 77 гуффенов. Практически все они были обязаны нести военную службу на коне и с оружием, предписанным обычаем [8, S. 192—194, № 111; 9, S. 85—86, № 82; S. 113—114, № 106; S. 142—143, № 141; S. 205—207, № 204; S. 290—291, № 290; S. 384—385, № 371; S. 434—435, № 431; 16, S. 310—311, № 437; 20, S. 221—222, № 393; 21, S. 286—287, № 501]. При этом 17 из них обязывались дополнительно возводить и ремонтировать укрепления. К данной группе также относятся пруссы Надрав, Вопел, Швайвот и Петр, которые получили 8 сентября 1359 г. 130 гуффенов в лесу Асмедие в районе Алленштейна [9, р. 290—291, № 290]. Они также, согласно акту, несли военную службу, возводили укрепления и платили налог.

Размер владений еще 4 персон не указан точно в актах. Трое из них были обязаны участвовать в военных кампаниях, возводить и ремонтировать укрепления [15, S. 213—214, № 314; 16, S. 82—84, № 129, 130], а один занимал должность камерария, управляющего районом (камерамтом) в составе округа (комтурства) [8, S. 102—104, № 57].

Ко второй группе принадлежат 39 персон (18 % от общего числа). Из них 33 человека обладали участками от 4 до 20 гуффенов. Большинство ленников (29 персоны) были обязаны нести военную службу на коне и

¹ Один гуффен равен 16,8 га.

с оружием, предписанным обычаем [9, S. 128—129, №124; S. 151, №151; S. 216—217, №219; S. 344, №332; 16, S. 154—155, №236; S. 185, №286; S. 541—542, №810; S. 593—594, №879; 17, S. 86—87, №120; S. 182, №254; S. 212—213, №296; S. 187, №262; 19, S. 35—36, №34; S. 79, №77; S. 203—204, №232; S. 350, №379; S. 350, №381; S. 350, №380; S. 350—351, №382; 20, S. 38, №69; S. 382—383, №676; S. 436—437, №768; 22, S. 302, №533; S. 533, №917]. При этом 23 из 39 землевладельцев были обязаны в дополнение к участию в военных кампаниях возводить и ремонтировать укрепления.

Размеры владений 6 ленников не указаны точно. Все они были обязаны участвовать в военных кампаниях, а 2 — дополнительно возводить и ремонтировать укрепления [15, S. 205—206, №295; 16, S. 593—594, №879; 17, S. 169—170, №235; 20, S. 47—48, №85].

На часть ленников, относящихся к обеим группам (73 из 212 персон, 34 % от общего числа), распространялась отсрочка от службы и выплаты налогов, которая составляла от 2 до 20 лет. Данная отсрочка была призвана поддержать культивацию участков в тех случаях, когда условия для нее были неблагоприятными.

Таким образом, можно говорить о том, что право рыбной ловли предоставлялось ленникам, обладавшим различным положением: владельцам участков от 1 до 130 гуффенов, обязанным участвовать в военных кампаниях, возводить укрепления, платить налог или освобожденным от этих обязанностей на короткое время либо (в случае с налогообложением) на весь срок держания участка. Данная черта говорит об универсальном характере рассматриваемого права, регламентировавшего использование близлежащих угодий.

Локаторы

К данной группе относятся 95 лиц, получивших от Ордена или церкви земельный участок и обязанных возвести на нем поселение. Из них 85 пользовались правом рыбной ловли, 10 обладали правом строительства мельницы, а еще 8 владели обеими привилегиями. По выполняемым обязанностям их можно разделить на две группы.

Первую группу локаторов составляют лица, обязанные платить денежный и/или натуральный налоги. К ним относятся 72 из 95 пруссов (76 % от общего числа), получившие для основания поселения участки от 20 до 100 гуффенов [8, S. 221—223, №125; S. 290—292, №168; S. 320—322, №186; S. 460—461, №277; S. 482—483, №296; 9, S. 70—71, №68; S. 76—77, №75; S. 87—88, №85; S. 98—99, №95a; S. 106, №99; S. 131, №127; S. 148—149, №148; S. 160—161, №160; S. 162—163, №164; S. 164, №165; S. 178, №178; S. 179, №179; S. 180, №180; S. 184—185, №186; S. 185, №187; S. 189—191, №192; S. 234—235, №233; S. 246, №247; S. 248, №250; S. 260—261, №262; S. 270—272, №270; S. 277—278, №279; S. 281—282, №284; S. 282—283, №285; S. 284—285, №287; S. 297, №296; S. 298—299, №298; S. 300, №300; S. 301—302, №303; S. 328, №312; S. 331—333, №318; S. 336—337, №323; S. 340—341, №327, 328; S. 342—344, №331; S. 351—352, №344; S. 354—356, №347; S. 359, №351; S. 360, №352; S. 377, №364; S. 377—379, №365; S. 377—379, №365; S. 393—394, №379; S. 395—396, №381; S. 411—412, №399; S. 414—416, №403; S. 432, №427; S. 436, №435].

Вторую группу составляют локаторы, обязывавшиеся наряду с выплатой налога нести военную службу и/или возводить и ремонтировать укрепления. К ним относятся 20 из 95 пруссов (21 % от общего числа). Размер полученных ими участков для основания поселения составил от 10 до 64 гуффенов [8, S. 126, №120; S. 264 – 266, №153; S. 329 – 332, №193, 194; S. 337 – 339, №196; S. 343 – 346, №200; S. 452 – 454, №272; S. 488 – 489, №292; S. 483 – 484, №297; 9, S. 49 – 51, №46; S. 59 – 60, №53; S. 72 – 73, №72; S. 129 – 130, №125; S. 158 – 159, №159; S. 176 – 178, №177; S. 183 – 184, №184, 185; S. 205 – 207, №204; S. 210 – 211, №211; S. 353, №347; S. 368, №361]. К этой же группе можно отнести прусса Велуне, получившего 16 марта 1348 г. 70 гуффенов для основания поселения и исполнявшего обязанности камерария [9, S. 109 – 110, №103].

Еще 2 персоны (2 % от общего числа) несли военную службу и были освобождены от уплаты налогов [9, S. 210 – 211, №211; S. 377 – 379, №365].

Из рассматриваемых 95 персон 55 (58 % от общего числа) пользовались отсрочкой от исполнения военной службы и/или выплаты налога сроком от 2 до 27 лет.

Таким образом, так же, как в случае с ленниками, право пользования водными угодьями выделялось локаторам различного положения по обязанностям и размерам участков: тем, кто нес военную службу, возводил укрепления, платил налоги, и тем, кто был освобожден от этих обязанностей на короткий период или на все время держания участка. Это говорит об универсальном характере пожалованного права.

Правовое регулирование использования водных угодий

Рассмотрим далее, каким образом прусские землевладельцы использовали угодья, полученные в рамках кульмского и «прусского» права.

Право рыбной ловли предоставлялось ленникам и локаторам в водоемах, расположенных вблизи их участков: в реках, озерах и мельничных прудах. Размеры водных угодий, где можно было заниматься рыболовством, специально не указывались, возможно, вследствие сложности контроля за соблюдением границ. В отдельных случаях говорилось о том, что рыбная ловля возможна вдоль границ поселения [9, S. 355 – 356, №347], однако эта формулировка не упоминается в актах регулярно. Регламентация рыбной ловли осуществлялась при помощи определения состава снастей, которые можно было использовать для этого. Данные приспособления были объединены термином «малые снасти» («*parvi instrumenti*») [9, S. 331 – 333, №318; S. 351 – 352, №344 и др.] и включали в себя крючок (лат. *hamus*, ср.-нем. *Hame*) [9, S. 270 – 272, №270; S. 331 – 333, №318; S. 351 – 352, №344; S. 355, №347; 17, S. 182, №254], острогу (лат. *aculeus*) [Ibid.], удочку (ср.-нем. *Angil*) [9, S. 355, №347], сеть (ср.-нем. *Rethe*)¹ [9, S. 359, №351; S. 432, №427] и бродни (ср.-нем. *Wathen*) [9, S. 355, №347]. Помимо снастей землевладельцы имели право использовать преграду – «забой» (ср.-нем. *Wehr*), которая упоминается в различных средневековых актах, в том числе происходящих из государства Тевтонского ордена, и представляет

¹ За исключением невода, который был запрещен в ст. 12 Кульмской грамоты [14, S. 188].

собой ряд вертикальных свай или кольев, вбитых в дно водоема. Между сваями или кольями устанавливались горизонтальные перемычки, препятствовавшие прохождению рыбы и позволявшие таким образом поймать ее [4, с. 217]. Такое право получили 2 локатора: Николай 29 сентября 1345 г. [9, S. 354, №347] и Гунте 13 декабря 1349 г. [9, S. 148–149, №148]. При этом в обоих случаях пруссы имели право рыбачить только на половине «забоя», а Гунте был обязан уступить место ловли, если Вармийский епископ пожелает построить аналогичное приспособление.

При помощи перечисленных «малых снастей» и «забоя» пруссы имели право ловить столько рыбы, сколько было необходимо для нужд их семей. За продажу улова землевладельцы могли лишиться права рыбачить в водоемах [9, S. 411–412, №399]. Отдельно отмечалось, что право рыбной ловли действует только на период владения участком, в случае его продажи или обмена оно прекращается [22, S. 533, №917].

Данная система мер (ловля «малыми снастями», запрет на продажу улова, прекращение права ловли одновременно с правом владения участком) позволила сохранить популяции рыб и обеспечить их стабильный промысел на протяжении рассматриваемого периода.

Другим способом использовать водные ресурсы являлось право возводить мельницы на реках, предоставляемое локаторам. Землевладелец мог возводить мельницу с одним [8, S. 452–454, №272; 9, S. 270–272, №270; S. 342–344, №331] или двумя колесами [9, S. 336–337, №323], при которых устраивался пруд [9, S. 336–337, №323; S. 360, №352]. Мельницы использовались как для обмола зерен и последующего производства муки, так и для растирания семян любого вида для получения масла, а также для битья льна, конопли и других трав, из которых изготавливались веревки [9, S. 360, №352].

Для строительства мельниц предоставлялся участок размером от 0,5 до 2 гуффенов [9, S. 270–272, №270; S. 336–337, №323]. Налог за мельницу составлял от 2 до 3 марок [8, S. 452–454, №272; 9, S. 270–272, №270; S. 336–337, №323; S. 342–344, №331]. Еще в одном акте налог определен как 8 скотов за каждый морген участка, на котором находится мельница, однако размер участка точно не указан [9, S. 341, №328].

Характерной чертой рассматриваемой практики являлось ее функционирование в рамках системы зданий, создаваемой в поселении, к которой также относились таверна и приходская церковь.

Основное количество прусских землевладельцев, обладавших правом пользоваться водными угодьями, располагалось в прусских областях Бартии (131 землевладелец), Вармии (31), Погезании (32) и Помезании (30), тогда как в Самбии и Надровии — всего 4 и 3 соответственно. Эти земли частично или полностью были покрыты густой сетью озер и рек, позволявшей заниматься рыбной ловлей и возводить водяные мельницы в таком объеме, который был необходим для стабильного функционирования хозяйства. В соответствии с данным принципом наибольшее количество хозяйств было выделено в юго-западной части Бартии и соседних с ней юго-восточных частях Вармии и Погезании (рис.). Залогом освоения данных территорий было возведение в них опорных центров Ордена — замков Алленштейн, Бартенштейн, Гутштадт и Рёссел, ставших административными и военными центрами.

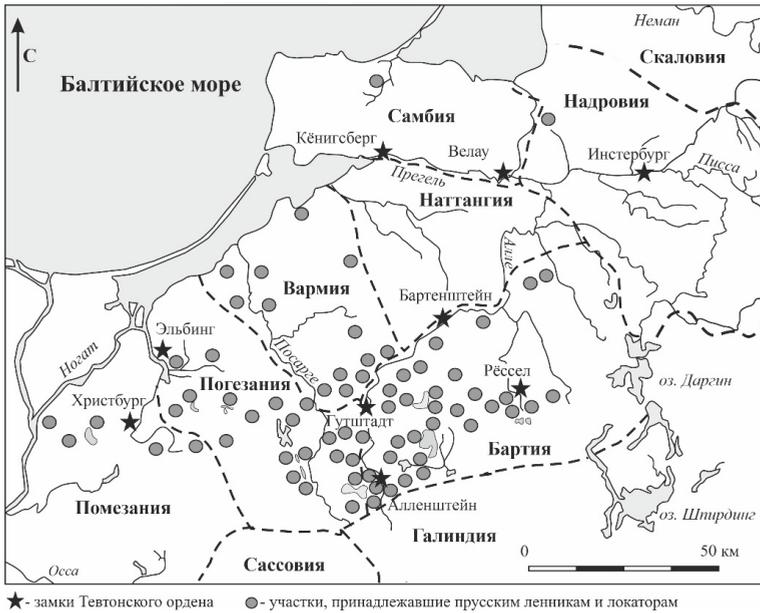

Рис. Географическое распределение земель, принадлежавших прусским ленникам и локаторам с правом пользоваться водными угодьями

Итак, использование водных угодий в хозяйствах прусских условных землевладельцев происходило двумя способами: за счет предоставления прав рыбной ловли и возведения водяных мельниц. Оба права обладали универсальным характером и предоставлялись лицам, обладавшим участками различного размера на различных условиях. Однако если право рыбной ловли предоставлялось обеим категориям землевладельцев, ленникам и локаторам, то право построить мельницу — только локаторам. Объемы рыбной ловли строго регламентировались Орденом и церковью за счет определения состава орудий («малых снастей»), которые могли быть использованы для этого (удочка, крючок, острога, бродни и сети за исключением невода). Отдельным землевладельцам было разрешено сооружать преграду («забой»). Право на строительство мельницы подразумевало возведение построек с одним или двумя колесами с выделением для них земельного участка размером от 0,5 до 2 гуффенов и налогообложением от 2 до 3 марок. При этом мельницы выполняли различные функции: помимо зерна они обрабатывали семена и стебли растений для производства соответственно масла и веревок.

Перечисленные условия позволили Ордену и церкви включить водные угодья в состав хозяйств, принадлежавших ленникам и локаторам, что в значительной мере способствовало дальнейшему освоению прусских земель в XV — XVI вв.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 124012400322-9).

Список литературы

1. Денисов С.А. Прусские нобили на службе у Тевтонского ордена в XIII–XV вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. Вып. 1. С. 37–47.
2. Денисов С.А. Вармийские ленники в государстве Тевтонского ордена в 1238–1370 гг. // История : электрон. науч.-образоват. журн. 2021. Т. 12, вып. 4 (102). URL: <https://history.jes.su/s207987840007728-9-1/> (дата обращения: 25.06.2021).
3. Матузова В.И. Прусские нобили и Немецкий орден // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 281–287.
4. Рогачевский А.Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. СПб., 2004.
5. Трокаль Т.В. Государство Тевтонского Ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
6. Benecke B. Fische, Fischerei und Fischzucht in Ost- und Westpreussen : in 3 Bch. Königsberg, 1880.
7. Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1988.
8. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 1 / hrsg. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1860.
9. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 2 / hrsg. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1864.
10. Długokęcki W. Społeczeństwo wiejskie // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008. P. 460–494.
11. Jähning B. Zur Wirtschaftsführung des Deutschen Ordens in Preussen vornehmlich vom 13. bis zum frühen 15. Jahrhundert // Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens im Mittelalter / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 1989. S. 113–147.
12. Kubicki R. Water mills and rural settlements in the Dominion of the Teutonic Order in Prussia // Usus aquarum. Interdisziplinäre Studien zur Nutzung und Bedeutung von Gewässern im Mittelalter / hrsg. von Ch. Mielzarek, Ch. Zscheschang. Köln ; Weimar ; Wien, 2019. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa ; Bd. 54). P. 29–50.
13. Pottel B. Das Domkapitel von Ermland im Mittelalter. Borna ; Leipzig, 1911.
14. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1, H. 1 / hrsg. von R. Philipp. Königsberg, 1881.
15. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1, H. 2 / bearb. A. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909.
16. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 2, Lfg. 1–3 / hrsg. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg, 1932–1937.
17. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3, Lfg. 1 / hrsg. von M. Hein. Königsberg, 1944.
18. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3, Lfg. 2 / hrsg. von H. Koeppen. Marburg, 1958.
19. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 4 / hrsg. von H. Koeppen. Marburg, 1964.
20. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 5, Lfg. 1–3 / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1969–1975.
21. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6, Lfg. 1 / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1986.

22. *Preussisches Urkundenbuch*. Bd. 6, Lfg. 2 / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 2000.

23. *Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku*. Olsztyn, 2016.

24. *Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13.–16. Jahrhundert)* // Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreussische Landesforschung. Bd. 29 / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 2010.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов – канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

39

S. A. Denisov

WATER USE RIGHTS IN THE AGRICULTURAL PRACTICES OF PRUSSIAN CONDITIONAL LANDOWNERS IN THE 13–14th CENTURIES

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 29 July 2023

Accepted 16 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3

To cite this article: Denisov S. A. 2024, Water use rights in the agricultural practices of Prussian conditional landowners in the 13–14th centuries, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 31–40. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-3.

Local conditional landholding, which bolstered the rule of the Teutonic Order in Prussia, involved the utilisation of land parcels with diverse landscape characteristics, spanning from well-cultivated arable lands to less fertile areas covered with woods and shrubs. To ensure the stable existence of households, the Prussians were granted rights to fish and build watermills on their plots, along with cultivating the land. These rights, explored in this study within the chronological framework of 1242–1370, were universally applicable. A total of 308 persons of different property status, duties and juridical status enjoyed these rights. Most of them, 213 individuals, were lieges obligated to serve in the military, pay taxes or do both. Another 95 persons were lokatoren required to organise settlements on the plots granted by the Order or the Church. The fishing right was regulated by permitting the use of tools (hooks, gigs, fishing rods, waders and nets, except the seine, termed collectively ‘small gears’), sometimes accompanied by leave to build a barrage across the river. The right to build a watermill applied to erecting a one- or two-wheeled structure, typically encompassed by a plot of land measuring 0.5 to 2 huffen and subject to taxation ranging from two to three marks.

Keywords: Prussians, conditional landholding, water use rights, fishing, mills

The author

Dr Sergey A. Denisov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>